

Ян МИЩЕНКО

БАЯН

рассказ

Все жители коммуналки съехали, и мы остались втроём в этой просторной, как оказалось, трёшке: я, мама и отец. Я очень обрадовался и, будучи маленьким, коротко стриженным пацанёнком-третьеклашкой, бегал по всей квартире из комнаты в комнату, осваивая просторы жилища. Теперь мне позволяли засиживаться в ванной, где я командовал небольшой резиновой флотилией. Мои корабли то прятались от вражеских за пенными айсбергами, то чудесным образом проходили сквозь них и, застав врага врасплох, расстреливали и топили его корабли. Я яростно лупил по воде ладошкой, изображая взрывы, – пена взлетала почти под потолок, а брызги заливали пол. Мама ругала меня, но несильно, она, хоть и женщина, понимала, что такое морское сражение. Да и флотилия моя застоялась на полке, пока мы жили с соседями, и команде моей хотелось помериться силами с не-

другом в морском сражении. Это мама тоже понимала. Я был очень рад, что мы живём теперь одни. Правда, папа приходил домой грустный и пьяный или просто грустный, а напивался уже дома. Он садился на кухне – теперь на кухне тоже можно было сидеть спокойно, и никто не мельтешил перед глазами и не ворчал недовольно – и громко ставил перед собой бутылку водки. Мама, стараясь улыбаться, вываливала ему на тарелку из скворчащей сковородки несколько рыхлых котлет и уходила в комнату, уводя меня с собой за руку. А мне хотелось побыть с отцом. Я редко его видел. Мне хотелось рассказать ему о моих морских сражениях, о геройских подвигах моих капитанов. В комнате, садясь поближе к двери, я прислушивался к тому, что происходит на кухне, и ждал какого-нибудь шороха, звяканья, кричтения, и на каждый издаваемый папой звук реагировал размышлениями и фантазиями;

Ян Владимирович МИЩЕНКО родился в Москве в 1977 году. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Работал санитаром, грузчиком, журналистом, менеджером по продажам, литературным редактором, учителем русского языка и литературы. Преподаёт ряд филологических дисциплин в МППУ и МГУ. Публиковался в различных литературных журналах и альманахах.

Живёт в Москве.

представлял, что при этом делает отец. Я сидел на полу и возил по ворсистому ковру кабриолетом. Папа что-то напевал, и я пытался уловить хоть несколько слов. Иногда мне это удавалось. Потом я складывал услышанные слова и пытался понять, что за песню пел отец, о чём она, но песен я знал мало, поэтому складывал слова как придётся и выходила какая-то несуразица, но я был уверен, что в этой несуразице есть некий скрытый смысл, понятный только взрослым и таким серьёзным людям, как мой отец. Потом папино пенье затихало. Мама облачала меня в позорную, как мне казалось, пижаму и укладывала спать, поцеловав на ночь в лоб. Когда она выходила из комнаты, я просил её оставлять небольшую щёлку, чтоб хоть немного света из коридора проникало ко мне. Мне не было страшно – мне было одиноко. И от одиночества я залезал с головой под одеяло. Теперь я был на борту подводной лодки. Маленькой такой подводки. Было темно, только над дверью каюты тускло горела лампочка под измазанным красной краской плафоном. Я пытался уснуть. И уже вроде начал засыпать, как вдруг до меня стали доноситься звуки баяна. Как? Откуда здесь баян? Да не может быть! Я несмело, аккуратно, чтобы не вспугнуть шорохом эту зыбкую, чуть слышную музыку, накидываю бушлат и выхожу из каюты. В коридоре никого нет, шумит генератор, но музыку он не заглушает. Я иду на звуки баяна, в сторону торпедного отсека. Музыка становится всё громче, и я слышу чьё-то пение. Останавливаюсь у офицерской каюты. Баян звучит за дверью, и

кто-то неразборчиво поёт. Хочу постучать, но мне кажется, что от моего стука музыка исчезнет, и я просто тяну дверь на себя. На койке спиной ко мне сидит мичман. Накинутый парадный китель его того и гляди сползёт с крепких плеч. Он широко растягивает меха баяна, играя «Прощание славянки». Я подхожу к нему так близко, что слышу, как щёлкают кнопки под его пальцами. Вдруг мичман резко прекращает играть, повернувшись ко мне:

– Ты что, морячок?

– Извините, товарищ мичман, – я пячусь назад, – извините, я отца вспомнил... – дверь захлопывается, и музыки больше нет. Её заменил шум генератора. Он становится всё сильнее и сильнее. И вот уже он совершенно невыносим. Потемнело. Я кое-как добираюсь до своей каюты по тёмному коридору и падаю на койку, уткнувшись в подушку носом.

Папу было и из подлодки хорошо слышно. Теперь его речь перебивала мамина. Всё громче и громче. Мама переходила на крик и... вдруг замолкала, а папа, что-то бурча себе под нос, заходил ко мне в комнату. Он присаживался на корточки возле моей кровати, одной рукой гладил по одеялу, а другой вытягивал из-под кровати запылённый кофр с баяном. Папа хорошо играл на баяне. Я, конечно, не очень в этом разбираюсь, но думаю, что он играл хорошо. Песни он пел хорошие – весёлые. Папа очень хотел, чтобы я научился играть на баяне «лучше, чем он», поэтому хранил свой инструмент у меня в комнате, под моей кроватью. «Это твой баян! – говорил он мне, – вот чуть постарше станешь, пойдёшь учиться». И мне

обязательно хотелось научиться играть на баяне, чтобы папа был доволен. Я бы выучился и смог бы радовать его в те редкие наши вечерние минуты. Я представлял своё первое выступление перед отцом: вот он приходит вечером, как обычно поздно, но я спать не буду, я попрошу маму, чтобы ради такого случая она разрешила мне дождаться его. Мама добрая, она разрешит наверняка. Так вот, я сижу в своей комнате и вдруг слышу, как поднялся лифт на наш этаж и зазвенела связка ключей. Беру баян, бегу с ним на кухню и усаживаюсь на табуретку напротив папиного места. Папа заходит в квартиру, мама встречает его, чуть приподнимаясь на носочках, целует в щёку. Я наблюдаю с кухни. От волнения мои ладошки потеют. Мысленно прогоняю комбинацию и порядок кнопок, ёрзая на табуретке. Вот папа появляется на кухне. Он смотрит на меня немного удивлённо, с лёгкой улыбкой. Я представляю ему свой номер, но он, недослушав, уходит мыть руки. Вот он возвращается и усаживается на своё место в ожидании ужина. Снова представляю ему свой номер и начинаю играть. Я ни разу не ошибусь, потому что очень хорошо отрепетирую какую-нибудь несложную песню. Нет, петь не буду. Петь я стесняюсь. Папа будет очень доволен: и ужин, и я ему сыграл. Он, конечно, похвалит меня, но тут же мама прогонит меня спать, и дальше я буду гордиться собой в своей постели, прислушиваясь, а вдруг папа в разговоре с мамой похвалит меня ещё раз. И я услышу среди прочих, непонятных мне фраз ту, которую жду, — папа скажет маме, как ему понравился мой номер и

что он очень доволен мной. И после этого я спокойно накроюсь одеялом с головой и со своей подводной лодкой погружусь на дно океана.

Учился я хорошо, но без удовольствия. Мама меня будила по утрам и почти каждый раз объясняла, почему надо идти в школу. Я неохотно шёл в ванную, грустно смотрел на свою флотилию, стоящую без дела на полке, чистил зубы, едва раскрывая рот, и с особенным отвращением умывал лицо холодной водой. Может, умывался бы и тёплой или вовсе не делал бы этого, но папа говорил, что утреннее умывание ледяной водой ободряет на целый день. Я не помню уже, когда он это говорил, но упорно выполнял папины наставления и всё ждал, когда же меня это уже взбодрит. Не мог отец соврать, значит, скоро эффект будет. Не дождавшись в очередной раз ободрения, я возвращался в комнату, натягивал брючки, тугие полусинтетические носки, колкий мохеровый свитерок, связанный мамой, и уныло смотрел на мою подводную лодку, такую же унылую, как мой взгляд, уже заправленную и накрытую мамой клетчатый покрывалом.

Одним обычным хмурым для меня утром я шёл в школу привычной дорогой, распугивая нахохлившихся на холоде голубей мешком со сменной обувью. Они собирались во дворе нашего дома, недалеко от детской площадки. Со двора уже была видна дорога к школе, на которую стекались ученики ближайших домов. Через пару минут я уже был среди них. У входа в школу, как обычно, толпились дети и родители,

провожавшие первоклассников. Пока я пытался просочиться в школу, моё внимание привлёк белый листок на двери. Его здесь не было раньше. Я подошёл ближе и прочитал: «Уважаемые родители и ученики! В нашей школе ведётся набор в группу обучения игре на баяне...» Мне вдруг показалось, что вокруг всё исчезло и затихло. И никто не толкается, а это просто меня покачивает от того, что день какой-то необычный. Мне захотелось быстрее вернуться домой и рассказать маме, и, возможно, я бы так и сделал, если бы не пара старшеклассников, которые просто протолкнули меня в двери, и обратно уже мне было не пройти.

Учебный день тянулся. Я совсем не думал об учёбе. Переживал, что «набор в группу» закончится, пока я здесь читаю и считаю. Я был возмущён: почему я должен повторять то, что уже знаю, если есть возможность научиться тому, чего не умею делать, и при этом очень хочу научиться этому! Я порывался на перемене пойти и записаться в группу, но даже не мог представить, куда мне идти и к кому обратиться. В утренней суете у дверей школы я не успел прочитать об этом в объявлении. «Ничего, – успокаивал себя, – после уроков, когда пойду домой, внимательно изучу объявление и даже запишу, что необходимо». Однако после уроков объявления уже не было на двери. «Наверное, уже набрали группу, – подумал я, но отступить был не намерен, – приду завтра с баяном, и они не смогут мне отказать. Ведь у меня уже есть баян! Не думаю, что у каждого, кто записался, есть баян. А мне

папа подарил! Никуда не денутся – примут!»

Маме я решил ничего не говорить: «Скажу утром, а то папе проболтается раньше времени». Зато мама удивлялась, какой я послушный сегодня и самостоятельный: сам сел за уроки, почти без её помощи всё выполнил, без напоминаний принял душ перед сном, самостоятельно разобрал кровать и вовремя лёг спать. «У тебя всё хорошо?» – спросила меня мама и поцеловала перед сном. Я кивнул головой, а сам подумал: «Надеюсь, что да!» Она пожелала мне спокойной ночи и вышла из комнаты, оставив небольшую щель, как обычно. Я укутался в одеяло и зажмурился, стараясь поскорее заснуть, но сон не шёл. Что-то тревожило меня. Крутился с боку на бок, переворачивал подушку, расправлял несколько раз одеяло. Вдруг мне показалось, что баян исчез. Я вскочил с кровати и запустил под неё руки. Нашупав холодный дерматин кофра, я успокоился и снова улёгся. Но заснуть опять не получалось. Теперь мне казалось, что кофр под кроватью пустой – баяна в нём нет. Уверить себя в том, что такого просто не может быть, оказалось сложнее, чем ещё раз заглянуть под кровать и проверить, на месте ли баян. Я снова слез с кровати, потащил его на себя, щёлкнул одновременно обоими замками и приоткрыл крышку. Инструмент был на месте. Я лёг в кровать, а еле различимые в темноте контуры баяна ещё стояли у меня перед глазами. Теперь я заснул, но спал плохо. Слышал, как пришёл отец, как они разговаривали с мамой на кухне, потом он, как обычно, зашёл ко мне

в комнату, достал баян, погладил меня по голове и вышел, закрыв за собой дверь и не оставив щели. После папиного визита я погрузился в глубокий сон и уже даже не слышал, как он играл и пел на кухне свои любимые песни.

Когда я был ещё так доволен предучебным утром! Не помню. Снова проявлял самостоятельность, но мама этого уже не замечала. Она была серьёзная. Наверное, не выспалась. Я почистил зубы, умылся ледяной водой, надел свои брючки, свитерок и полез под кровать за баяном, мне теперь не терпелось рассказать обо всём маме. Но кофра под кроватью не оказалось. Я залез глубже, но кофра так и не обнаружил, а только нацеплял пыльных комочков на свой свитерок и брючки. В недоумении я обошёл все комнаты в поисках баяна, но нигде его не нашёл. Зашёл на кухню, окинул её взглядом, но и здесь не было баяна. Мама стояла ко мне спиной и нарезала хлеб. «Мам!» – позвал я её. Мама обернулась. Она плакала. Никогда не видел, как мама плачет. У меня

похолодели руки.

– Ма-ма, – протянул я, – а где... – я хотел спросить, где баян, но мама не дала мне договорить. Она обняла меня, прижалась мокрой щекой к моему лицу и еле-еле, как будто выдавливая из себя нужные слова, а ненужные – с трудом удерживая в себе, произнесла:

– Папа ушёл... Он больше не вернётся...

Я не любил плакать и очень редко это делал, но, если я чувствовал, что слёзы наворачиваются у меня на глаза, сдерживал себя, пытаюсь отвлечься на что-нибудь хорошее, но тут слёзы даже не наворачивались, они просто потекли по моим щекам, попадая на мамини щёки тоже. Мы стояли посередине кухни, обнявшись, и не могли отпустить друг друга. Наверное, потому что оба не знали, что нам теперь делать. Я не стал спрашивать у мамы, где баян, мне и так было всё ясно, да и не нужен он мне теперь, когда папы нет. Папа забрал с собой самое дорогое ему, самое дорогое мне и самое дорогое маме.

